

УДК 94(571.6)

Т.Н. Сорокина

«...ДОЛЖНЫ БЫТЬ ТЕРПИМЫ В СИЛУ ТРАКТАТА»

Рассмотрены влияние Айгуньского договора на взаимоотношения приамурской администрации с китайскими подданными левого берега Амура и взгляды высшего краевого и областного начальства на проблему подчинения «зазейских маньчжур», проживавших на российской территории, русским властям.

Ключевые слова: Айгуньский договор; приамурская администрация; «зазейские маньчжуры».

Оседание выходцев из Китая в Приамурском крае началось задолго до окончательного утверждения здесь русского господства. К моменту заключения Айгуньского договора в 1858 г. на левом берегу Амура уже оседло проживало несколько тысяч китайских подданных, которые захватили значительные площади прибрежной полосы, занимаясь, главным образом, хлебопашеством. У русской администрации и населения они впоследствии получили название «зазейские маньчжуры», а район их обитания стал называться «зазейским». Появлению китайцев в Южно-Уссурийском крае до его присоединения к России по Пекинскому договору 1860 г. особенно благоприятствовало его неопределенное положение еще со времен Нерчинского договора 1689 г. – почти два столетия обширный юго-восточный приморский район фактически был лишен какого-либо управления, что не могло не отразиться на составе его населения. В течение долгого времени цинское правительство ссылало сюда преступников без семей с запрещением вступать в брак. Сюда бежали разбойники от кар закона и бедняки от тяжелых податей, а также всевозможные любители легкой наживы, привлекаемые молвой о богатстве местных золотых россыпей. Такой характер этого пришлого населения нашел отражение в названии «манзы», которое закрепилось за китайцами у русских поселенцев в Приморской области, что означало в буквальном переводе «беглые», «бродяги», «бегуны».

«Зазейские маньчжуры», по Айгуньскому договору, получили право остаться «вечно на прежних местах их жительства, под ведением маньчжурского правительства, с тем, чтобы русские жители обид и притеснений им не делали» [1. С. 29]. Положение уссурийских «манз», которых русское правительство обязывалось оставить в крае и «дозволить по-прежнему заниматься рыбными и звериными промыслами» [1. С. 35], отличалось тем, что об их подчинении китайским властям в Пекинском договоре ничего не говорилось. Как считал генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин, «манзам не выговорено по трактату подчинение китайским чиновникам» [2. С. 95].

Таким образом, Айгуньский и Пекинский договоры изначально предопределили особенности положения китайского населения в Амурской и Приморской областях и, соответственно, региональную специфику во взаимоотношениях русских властей с этим населением. Перед приамурской администрацией, и краевой, и областной, в принципе, задачи стояли одни и те же – «привести в известность», «обложить сборами», «подчинить

русским законам» и пр. При этом любопытно, что большинство проектов по управлению китайским населением, за исключением паспортных правил, исходили преимущественно из Приморской области и для Приморской области. Так, например, китайское общественное управление и китайские общества взаимного вспомоществования легально существовали только в Приморской области. Почему? Думается, что это было связано в том числе и с русско-китайскими трактатами середины XIX в.

Рассмотрим, какое влияние оказала фраза «под ведением маньчжурского правительства» из 1-й статьи Айгуньского договора на выстраивание отношений приамурской администрации с китайскими подданными в Амурской области, какими особенностями отличалась политика местных властей по урегулированию отношений с проживавшими на российской территории «зазейскими маньчжурами».

Подчинение «зазейских маньчжур» по трактату китайским властям предопределило и особую политику администрации Амурской области по отношению к ним. По самым ранним из имеющихся в нашем распоряжении сведений военного губернатора Амурской области генерал-майора И.К. Педашенко, в 1867 г. в «зазейском районе» насчитывалось 44 селения и 10 646 жителей [3. Л. 17–19]. По данным горного исправника Павлищева, командированного сюда в 1880 г. амурским губернатором, в 44 селениях проживало около 13 700 «душ обоего пола» [4. Л. 47]. Во всех официальных отчетах до первой переписи фигурировали цифры подполковника А.Ю. Назарова (1881 г.), который, в отличие от Павлищева, посчитал не только селения, но и отдельно стоящие фанзы и займки, – 14 тыс. человек и 63 населенных пункта [5. С. 39–40].

Селения «зазейских маньчжур» управлялись старшинами, назначаемыми китайскими властями в г. Айгуне. В зависимости от количества жителей в каждое селение назначалось от 2 до 6 старшин, один из которых был самым главным. Эти старшины и «творили суд и расправу». Незначительные дела они решали сами на месте, а дела особой важности передавали на дальнейшее рассмотрение в Айгунь. Старшины наблюдали за благоустройством в селениях, за исправностью путей сообщения, за сборами в казну и отправкой людей на службу по требованию правительства Китая. Все маньчжуры и дауры мужского пола от 18 до 50 лет обязаны были нести военную или гражданскую службу и за это освобождались от некоторых

сборов в казну, а китайцы за освобождение от государственной службы облагались дополнительными казенными сборами [4. Л. 58–59]. Таким образом, проживая на российской территории, китайцы Амурской области не отбывали никаких повинностей, не платили податей, не подчинялись русским властям и не судились по русским законам в случае совершения преступления.

Первое время местная администрация не предпринимала никаких попыток к подчинению китайского населения русским властям. Более того, сложное положение первых русских поселений на Амуре ставило их в некоторую зависимость от обустроившихся и обжившихся здесь «засейских маньчжур». Сначала китайское население не признавало ни российских властей, ни самой принадлежности края России, считая русских пришельцами, стесняющими их жизнь и занятия. Более того, китайское правительство активно внедряло эти идеи в сознание своих соотечественников. Даже двадцать лет спустя после подписания Айгуньского договора цинское правительство распространяло среди жителей «засейского района» манифест, изданный по поводу «уступки русским левого берега Амура», в котором говорилось: «Русские, теснимые голодом и холодом, просили у богдыхана позволения поселиться на Амуре, и он позволил им там жить, пока они не потолстеют» [6. С. 10]. Преимущества в экономическом положении и полная свобода, предоставленная китайскому населению, позволили ему беспрепятственно захватывать новые земли, удобные для хлебопашества, в ущерб русским поселенцам, оседавшим на р. Зее в соседстве с Благовещенском. Чем активнее осваивалось Приамурье русскими поселенцами, тем больше конфликтов порождало подчинение «засейских маньчжур» китайским властям. Самовольными захватами земель «своеволие» китайцев не ограничивалось. Они рубили лес, где хотели, портили телеграфные линии и дороги, копая на них глину для обмазки своих домов, уничтожали межевые знаки, изгоняли землемеров и т.п. Поэтому вышеупомянутые экспедиции Павлищева и Назарова отправлялись не только с целью ознакомления с китайским населением и устройством их быта, а прежде всего «для соображения мер к ограничению стремления их к земельным захватам и движению вглубь страны» [2. С. 91].

Военный губернатор Амурской области И.Г. Баранов, поднимая перед высшим начальством проблемы, связанные с пребыванием китайских подданных на русской территории, считал, что «засейские маньчжуры», жившие в пределах вверенной ему области, даже оставаясь подведомственными китайскому правительству, должны управляться русской администрацией. Он полагал, что «нет надобности их теснить, но приучать к порядку и исполнению наших требований безусловно необходимо» [4. Л. 38]. Если этого невозможно было добиться по политическим соображениям, из-за заключенного трактата с Китаем, то необходимо использовать, с его точки зрения, вполне возможный более медленный путь усиления экономической зависимости китайцев от русских властей. Соображения генерал-майора Баранова разделял и

глава императорской миссии в Пекине Е.К. Бюцов, советовавший «исподволь, не подавая повода китайским властям к жалобам на нас, приучать этих маньчжур к мысли, что они, по меньшей мере, настолько же зависят от наших начальников, сколько и от китайских» [4. Л. 29].

Чтобы положить конец земельным захватам китайских подданных, в начале 80-х гг. XIX в. были проведены межевые работы – и на плане, и на местности была определена граница «засейского района». Но китайцы новой границы не признали, межевые знаки уничтожили. Местные чиновники постепенно приходили к убеждению, что «в области, принадлежащей одному государству, не может быть двух правительств», но не имели ни необходимых полномочий, ни доступных средств к установлению контроля за китайским населением. Поэтому Д.Г. Анучин в своем отчете обратил внимание Петербурга на непротиворечащие трактатам с Китаем меры, необходимые для подчинения китайского населения левого берега Амура русской администрации. Он предлагал предоставить права местному губернатору утверждать китайскую выборную сельскую администрацию и осуществлять полный надзор за китайским населением без вмешательства в их внутреннюю жизнь и обычаи; положить предел распространению их расселения внутри страны; обложить небольшим, но правильно взимаемым сбором за пользование государственными земельными угодьями и установить привлечение к ответственности по российским уголовным законам тех китайцев, которые совершат преступление на русской территории. Д.Г. Анучин ходатайствовал перед правительством, чтобы ему предоставили особые полномочия и инструкцию и все его действия получили законный характер. С его точки зрения, это было очень важно, так как «последовательность действий более всего необходима при сношении с азиатскими народами; они охотно подчиняются решительно принятой и неуклонно исполняемой мере и не будут повиноваться, когда увидят колебание, а особливо неудовлетворение или отмену высшим правительством мер, принятых местным начальством» [2. С. 91]. В ответ Азиатский департамент Министерства иностранных дел, признавая полезность «приручения китайцев в русских пределах», неизменно рекомендовал амурской администрации «избегать каких-либо крутых мер, могущих подать пекинскому правительству повод к жалобам на неисполнение нами 1-й статьи Айгуньского договора», и действовать «с крайней осторожностью» [4. Л. 68].

С образованием в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства в повестку I Хабаровского съезда, созванного по инициативе барона А.Н. Корфа в январе 1885 г., вошли, в том числе, вопросы, касающиеся китайских подданных Амурской области: «...какое положение, права и обязанности должны они иметь в крае? в чем наши задачи по отношению к ним?» [7. Л. 6]. Участники совещания губернаторов и «сведущих лиц», обсуждая поставленные вопросы и определяя задачи русской администрации по отношению к «засейским маньчжурам», пришли к следующему выводу: «...те китайцы и мань-

чжуры, которые живут на нашей территории близ Благовещенска, состоя в подданстве Китайской империи, должны быть терпимы в силу трактата и по самому свойству дела. <...> В подчинении их русским законам, судам и правительственным распоряжениям будут заключаться наши задачи по отношению к ним» [7. Л. 50–51].

Первый приамурский генерал-губернатор барон А.Н. Корф, как и все последующие, признавал крайне неудобным иметь в пределах губернаторства большое число китайских подданных, изъятых из ведения русской администрации. Он докладывал в центр: «Находя необходимым теперь же положить конец дальнейшему захвату ими (китайцами. – Т.С.) новых земель и увеличению числа этого населения путем водворения среди него новых переселенцев с другого берега Амура, я начинаю исподволь принимать меры к устранению последних двух обстоятельств, равно как и к постепенному подчинению этого населения нашей администрации, избегая, впрочем, при этом всяких поводов к неудовольствию пограничных китайских властей» [8. Л. 126]. Чтобы положить конец постоянно увеличивавшимся земельным владениям китайских подданных и «поселить в них сознание того, что сами они проживают на нашей территории», земли «зазейских маньчжур» были еще раз обмежеваны. Чтобы китайцы не запахивали межу, не портили межевых знаков и вообще для общего наблюдения, в 1885 г. в «зазейском районе» на месте бывших почтовых пунктов были устроены два казачьих поста под командованием офицеров. На выбор этих офицеров обращалось особое внимание – они должны были вести себя так, чтобы местное население имело возможность убедиться в их беспристрастии и справедливости и стало бы обращаться за разрешением своих недоразумений и обид к ним, а не к китайским властям [9. Л. 10].

В феврале 1886 г. А.Н. Корф отдал распоряжение военному губернатору Амурской области генерал-майору А. Беневскому «осторожно и постепенно» произвести перепись китайского населения левого берега Амура, на необходимость которой указывал еще в 1883 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин. Администрация Амурской области понимала, что дело это довольно сложное, так как китайская айгуньская администрация ревниво оберегала свою власть над «зазейскими маньчжурами» и нетерпимо относилась к попыткам русских чиновников поставить их под свой контроль. Еще Ф.Ф. Буссе, описывая «зазейских маньчжур», заметил, что управляющий ими айгуньский амбань «ревниво скрывает все, что относится до китайского населения, даже самые мелочи, следуя, конечно, вековой политике своего правительства» [10. Л. 107]. А. Беневский ответил А.Н. Корфу: «На удачное исполнение переписи трудно рассчитывать; так как, с одной стороны, весьма подозрительные Айгуньские власти не преминут открыто протестовать против нее и всячески ей противодействовать; а с другой, само население, по своей недоверчивости и отчужденности от нас, будет относиться к переписи если не открыто враждебно, то с уклончивостью, которая может

портить дело почти столько же, сколько сопротивление» [11. Л. 144]. И действительно, известие о переписи вызвало резкие протесты китайских властей, в результате которых при бароне А.Н. Корфе она так и не состоялась, но накопленный опыт пригодился его преемнику.

Новый приамурский генерал-губернатор генерал-лейтенант С.М. Духовской, как и А.Н. Корф, относясь к китайским подданным в Амурской области как к «крайне нежелательному элементу», считал, что все меры, принимавшиеся его предшественниками с целью подчинения этого населения русским властям, «не привели к удовлетворительным результатам». Китайцы по-прежнему отрицали принадлежность России занимаемой ими зазейской территории, а нахождение на этих землях русских казачьих постов, почтовой дороги и телеграфной линии рассматривали как проявление терпимости с их стороны. С.М. Духовской находил «весьма желательным» пересмотреть трактаты с Китаем, а до этого предпринимать такие меры, которые бы соответствовали «нашим политическим и экономическим интересам». Он исходил из следующего: поскольку по Айгуньскому договору России принадлежала вся территория по левому берегу Амура, то русские власти имели право осуществлять надзор за ней, распоряжаться незанятыми земельными участками и облагать пользующихся русской землей иностранцев податями и повинностями [12. С. 25–26]. Для этого необходимо было как минимум осуществить перепись китайского населения, что, наконец, и было сделано. По данным этой переписи, к концу 1893 г. из 20 272 китайцев, проживавших в области, 16 102 человека составляли «зазейские маньчжуры» [13. Л. 3].

Наряду с обмежеванием «зазейского района» перепись была одним из немногих мероприятий, которые удалось осуществить на практике. Еще одним детищем С.М. Духовского можно считать учреждение в Амурской области должности пограничного комиссара. По его мнению, одна из причин прежних неудач состояла в «отсутствии в составе амурской областной администрации специального должностного лица, которое бы ведало дипломатической частью и пограничными сношениями и постоянно следило бы за результатами принимаемых в отношении китайцев мер» [12. С. 25–26]. Ходатайство об учреждении в Амурской области должности пограничного комиссара было удовлетворено. Обязанности его изначально были осложнены управлением «зазейским районом», население которого, по мнению следующего приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова, являлось «источником постоянных недоразумений и пререканий как с пограничными, так и с центральными китайскими властями». Поводом к недоразумениям служило нежелание китайских властей признать, что китайское население левого берега Амура, как живущее на русской территории, должно подчиняться русским властям и законам наравне с прочими иностранцами, пребывавшими в России [14. С. 139–141].

Заключительной вехой во взаимоотношениях приамурской администрации с «зазейскими маньчжурами»

можно считать события 1900 г., связанные с восстанием ихэтуаней в Китае. После окончания боевых действий на Амуре приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков издал следующее распоряжение, касавшееся обитателей «зазейского района»: «...ввиду того, что группа этого иноплеменного и недружелюбного к русским населения представляла явную аномалию на нашей территории и в течение долгих лет не обнаруживала признаков сближения с русскими, ныне сделано распоряжение, чтобы ушедшие зазейские маньчжуры не допускались обратно на прежние места жительства» [15. Л. 70]. Так была кардинально разрешена существовавшая с 1858 г. проблема подчинения «зазейских маньчжур» в Амурской области русским властям. Категория китайских подданных в Амурской области, известная под названием «зазейские маньчжуры», просто перестала существовать.

Таким образом, и во времена управления далекой окраиной из Иркутска, и с момента образования Приамурского генерал-губернаторства все высшее краевое и областное начальство всегда, во всяком случае с конца 1870-х гг., относилось к «зазейским маньчжурам» как к «неудобному» и «нежелательному» элементу, осознава-

ло ситуацию как «государство в государстве», считая необходимым подчинить их русской администрации. Перед каждым губернатором стояли одинаковые проблемы, каждый обращал на них внимание правительства и высказывал свои соображения по поводу принятия необходимых мер, каждый вносил свою лепту в дело «приручения» китайских подданных, но в целом мало в этом преуспели. Губернаторы менялись, а проблемы оставались. Все распоряжения, все мероприятия приамурской администрации в отношении «зазейского района» встречали со стороны китайских подданных пассивное сопротивление, всемерно поддерживаемое айгуньскими властями. Предложения, исходившие от высших чиновников, как правило, одобрялись центральным правительством, но при этом каждый раз им предписывалось «действовать с осторожностью, чтобы не возбудить каких-либо осложнений с Китаем». Подобными инструкциями или, иначе, 1-й статьей Айгуньского договора, приамурская администрация была скована по рукам и ногам, пройдя в урегулировании отношений с «зазейскими маньчжурами» долгий путь от политики «постепенного приручения» до полного их вытеснения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы.* М., 1958.
2. *Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью.* Иркутск, 1884. Т. I, вып. I.
3. *Государственный архив Иркутской области (ГАИО).* Ф. 24. Оп. 11/3. Д. 23.
4. *Российский государственный архив Дальнего Востока (РГИАДВ).* Ф. 701. Оп. 1. Д. 232.
5. *Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью.* Иркутск, 1883. Т. IV, вып. IV.
6. *По поводу толков о дальневосточных делах // Сибирские вопросы.* 1909. № 49/50.
7. *РГИАДВ.* Ф. 702. Оп. 1. Д. 13.
8. *РГИАДВ.* Ф. 1. Оп. 1. Д. 1010.
9. *РГИАДВ.* Ф. 1. Оп. 1. Д. 1383.
10. *ГАИО.* Ф. 24. Оп. 10. Карт. 1667. Д. 289.
11. *РГИАДВ.* Ф. 702. Оп. 7. Д. 6.
12. *Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского.* 1893, 1894 и 1895 годы. СПб., 1895.
13. *РГИАДВ.* Ф. 702. Оп. 1. Д. 239-а.
14. *Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова за 1898–1900 гг.* Хабаровск, 1901.
15. *РГИАДВ.* Ф. 702. Оп. 1. Д. 1585.

Sorokina Tatyana N. Omsk State University named after F.M. Dostoyevsky (Omsk, Russian Federation). E-mail: ifdoid@rambler.ru
"... SHOULD BE TOLERANT DUE TO TREATISE".

Key words: Aigun contract; Priamurskaya administration; "zazeyskie Manchus".

This is article is about relationship between Amur administration and Chinese nationals in the Amur region, which were known as the "zazeyskie Manchu" and, according to the Aigun contract, were left under the control of the Chinese government. Opinion of senior regional officials to the problem of staying in the Russian territory of the Chinese population, which were removed from the jurisdiction of the Russian authorities, is considered. In this article is considered some activity aimed to subordination "zazeyskih Manchu" by Amur administration and Russian law (from obmezhevaniya "zazeyskogo district", the census of population etc. to their displacement as a result of military events on the Amur River in 1900). It was analyzed the reasons of ineffectiveness of the policy on "taming" of "zazeyskih Manchu", mainly the influence of Russian-Chinese treaty in 1858 on building relationships with Chinese nationals left bank of the Amur River.

REFERENCES

1. *Russko-kitayskie otnosheniya. 1689–1916. Ofitsial'nye dokumenty.* M., 1958.
2. *Sbornik glavneyshikh ofitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoyu Sibir'yu.* Irkutsk, 1884. T. I, vyp. I.
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti (GAIO).* F. 24. Op. 11/3. D. 23.
4. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv Dal'nego Vostoka (RGIADV).* F. 701. Op. 1. D. 232.
5. *Sbornik glavneyshikh ofitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoyu Sibir'yu.* Irkutsk, 1883. T. IV, vyp. IV.
6. *Po povodu tolkov o dal'nevostochnykh delakh // Sibirskie voprosy.* 1909. № 49/50.
7. *RGIADV.* F. 702. Op. 1. D. 13.
8. *RGIADV.* F. 1. Op. 1. D. 1010.
9. *RGIADV.* F. 1. Op. 1. D. 1383.
10. *GAIO.* F. 24. Op. 10. Kart. 1667. D. 289.
11. *RGIADV.* F. 702. Op. 7. D. 6.
12. *Vsepoddanneyshiy otchet priamurskogo general-gubernatora general-leytenanta Dukhovskogo.* 1893, 1894 i 1895 gody. SPb., 1895.
13. *RGIADV.* F. 702. Op. 1. D. 239-a.
14. *Vsepoddanneyshiy otchet priamurskogo general-gubernatora generala ot infanterii Grodekova za 1898–1900 gg.* Khabarovsk, 1901.
15. *RGIADV.* F. 702. Op. 1. D. 1585.